

В. А. Гуторов*

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО АНАЛИЗА ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИЗМА**

Статья посвящена современным проблемам интерпретации теории ленинской революции и формировавшейся на ее основе концепции советского социализма. Современные отечественная и западная традиции интерпретации большевизма являются в высшей степени разноплановыми и неоднородными. Политики и ученые постоянно спорят о том, является ли В. И. Ленин случайной фигурой, волею случая поднявшейся на историческую авансцену, или же победа возглавляемой им партии большевиков была закономерной и неизбежной. Однако мало кто отрицает тот факт, что в процессе формирования в России идеократического комплекса власти личность В. И. Ленина, особенности его психологии и мировоззрения играли решающую роль. Речь идет именно о стратегическом видении ситуации в целом, а не об отдельных деталях «плана коммунистического созидания», включая такие его аспекты как всеобъемлющий, отдававший архаикой, принудительный коллективизм общественной жизни или программа формирования «нового человека» будущего.

Ключевые слова: В. И. Ленин, революция, политическая теория, идеократическое государство, политическое образование, стратегическое видение, социализм.

V. A. Gutorov

ON SOME TRENDS IN CONTEMPORARY ANALYSIS OF THE LENINIST CONCEPT OF REVOLUTION AND SOCIALISM

The article is devoted to modern problems of interpreting the theory of the Leninist revolution and the concept of Soviet socialism that was formed on its basis. The modern domestic and Western traditions of interpretation of Bolshevism are highly diverse and

---

* Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, gut-50@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15–33–12016 «Революция 1917 года в исторической памяти русской культуры».

heterogeneous. Politicians and scholars are constantly arguing about whether V. I. Lenin was an accidental figure who, by chance, rose to a historical proscenium, or the victory of the Bolshevik party he led was natural and inevitable. However, few people deny the fact that in the process of formation in Russia of an ideocratic complex of power, the personality of V. I. Lenin, the features of his psychology and world outlook played a decisive role. This is a strategic vision of the situation as a whole, and not of individual details of the “plan for communist creation”, including such aspects as comprehensive, archaic, forced collectivism of public life, or a program for the formation of a “new man” of the future.

Keywords: V. I. Lenin, revolution, political theory, ideocratic state, political education, strategic vision, socialism.

Историческая память — очень странное, парадоксальное явление. Антикоммунистическая риторика эпохи «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе и идеологическая истерия времен ельцинских псевдореформ 1990-х гг. уже давно канули в Лету, а в Санкт-Петербурге статуя Ленина незыблемо стоит перед входом в Смольный, бывший когда-то «штаб революции». Мавзолей на Красной площади, как и прежде, электризует политические страсти, которые накаляются день ото дня, превращая Ленина чуть ли в ключевую фигуру современного отечественного политического дискурса. Публицисты внимательнейшим образом «отслеживают» любые, высказанные по тому или иному случаю суждения Президента России о Ленине и немедленно выносят их на «суд общественности» [14; 5].

Аналогичные тенденции наблюдаются и в российском научном мире: со времен «перестройки» тенденциозной публицистике и конъюнктурным литературным поделкам [11; 7] противостоят работы, так или иначе претендующие на академический статус [9; 3; 4; 13]. В публикуемых российскими издательствами с начала 1990-х гг. переводах иностранных книг о Ленине также заметна постоянная борьба и напряженность между наукой и журналистикой.

Вместе с тем, следует признать, что понятие «конъюнктурный» далеко не всегда имеет сугубо пейоративный смысл в плане оценки как самой личности В. И. Ленина, так и результатов (непосредственных и долговременных) его политической деятельности. Политики и ученые постоянно спорят о том, является ли Ленин случайной фигурой, волею случая поднявшейся на историческую авансцену, или же победа возглавляемой им партии большевиков была закономерной и неизбежной.

Споры эти являются стародавними и конца им пока не видно. Воистину, *sero molunt deorum molae* — «поздно мелют мельницы богов!» «Современники Ленина, — отмечал в 1931 г. историк Г. В. Вернадский, сын В. И. Вернадского, ученик В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. А. Кизеветтера, Р. Ю. Виннера, — не смогли сразу правильно понять и оценить его значение как политического лидера. В пылу фракционной борьбы и в жаркий период II съезда РСДРП большинство русских социалистов считали Ленина задиристым членом центральных партийных учреждений. После поражения Московского восстания 1905 года на него стали смотреть как на безумного фанатика, способного подвести партию и революцию. Но беспартийное

большинство русского народа или не знало Ленина, или не думало о нем. Новая тактика, примененная Лениным после 1907 года, использование им легальных политических учреждений принесли ему тесные связи с верхушкой российского рабочего класса. Этот факт однако не был по достоинству оценен ни его сторонниками, ни его противниками. Если бы Ленин умер во время мировой войны или даже в начале революции, весной 1917 года, это известие не произвело бы особого впечатления ни на кого за исключением членов его собственной партии и верхнего эшелона представителей рабочих организаций. Фигура Ленина стала более определенно вырисовываться в общественном сознании только во время революции 1917 года. Однако, даже в ноябре этого года Дыбенко, один из вожakov матросов, может быть и в шутку, но счел возможным предложить казакам Краснова сменить Керенского на Ленина» [6, с. 307; ср.: 16, с. 9].

И Вернадский, и многие другие историки, как правило, связывают значение Ленина, его политической деятельности и идейного наследия с событиями октября 1917 г., не ставя под сомнение ни их всемирное значение, ни их глубинную связь с традициями российской истории. Но ведь хорошо известно, что проблема соотношения национального и интернационального аспектов русской революции на протяжении многих десятилетий формировала философский и идеологический пунктир, проходящий через работы наиболее выдающихся мыслителей. Решительным сторонником идеи об органическом сочетании национальных корней Октябрьской революции с международной социалистической традицией был Н. А. Бердяев. Не случайно одно из наиболее ярких его произведений «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.) начинается следующими словами: «Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны — явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет» [2, с. 7]. Непосредственным предшественником большевистских методов политики Бердяев считал реформаторскую деятельность Петра I: «Приемы Петра были совершенно большевистские. Он хотел уничтожить старую московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни. И для этой цели он не остановился перед казнью собственного сына, приверженца старины. Приемы Петра относительно церкви и старой религиозности очень напоминают приемы большевизма. Он не любил старого московского благочестия и был особенно жесток в отношении к старообрядчеству и староверию... Петр высмеивал религиозные чувства старины, устраивал всешутейший собор с шутовским патриархом. Это очень напоминает антирелигиозные манифестации безбожников в советской России... Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить

тип цивилизации. Но большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. переворот же Петра, усилив русское государство, толкнув Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем. Петр секуляризировал православное царство, направил Россию на путь просветительства» [2, с. 12–13].

Напротив, И. А. Ильин в философском памфлете «Яд большевизма» специально подчеркивал всемирный характер этого направления мысли и практики: «Современное человечество не уясняет себе значения того, что происходит в советской России: оно не понимает ни возникновения большевизма, ни его сущности, ни его намерений, ни его опасности... Коммунистический большевизм, как движение, давно уже вышел за пределы России. Цели его с самого начала были мировые; и ныне его движение разливается по всему свету. Русская большевистская революция не есть какой-то “опыт” или “эксперимент”, предпринятый для осчастливления “будущих поколений”. Это есть борьба за мировую власть, которая уже началась; — борьба за общечеловеческое духовно-религиозное разложение и хозяйственно-политическое порабощение. Эта борьба уже развернулась и человечество разрезано ее фронтом больше и глубже, чем оно было разделено фронтом великой войны» [10, с. 3].

К настоящему времени можно с большой степенью уверенности считать, что в отечественной науке и публицистике явно побеждает направление интерпретации русской революции, которое в свое время было обозначено именно Н. А. Бердяевым. Хотя попытки синтеза двух, обозначенных выше, линий аргументации встречаются регулярно и, как правило, не оспариваются ни в научном, ни в полемическом плане [17, с. 32, 40–41]. Одной из причин преобладания такого подхода является даже сама не логика и убедительность бердяевских трактовок революционного переворота в России, но, прежде всего, огромное количество фактов, собранных отечественными и зарубежными учеными, которые подтверждают его историческую, социологическую и философскую правомерность.

Современная западная традиция интерпретации большевизма также является в высшей степени разноплановой и неоднородной. Например, Дитрих Эккарт, один из основателей нацистской партии, которого историки называли «духовным отцом национал-социализма», самим названием своей книги «Большевизм от Моисея до Ленина. Диалог между Адольфом Гитлером и мной» (1924) невольно в год смерти Ленина придал понятию «большевизм» известную респектабельность среди экстремистски настроенных немецких правых [25; 45].

Несмотря на то, что после 1917 г. Ленин становится крайне популярным в самых различных кругах европейских радикально настроенных интеллектуалов [34], отношение к нему как личности и к его практической политике всегда оставалась крайне двойственным. Британскому философу Бертранию Расселу, посетившему Россию в 1920 г., Ленин напомнил «профессора, одержимого желанием сделать теорию понятной и проявляющего неистовство в отношении тех, кто воспринимает [ее] ложно или с ним не согласен, а так-

же своим пристрастием все разъяснять» [40, р. 37]. Напротив, писал Рассел, «Троцкий, которого коммунисты никоим образом не считают равным Ленину, произвел на меня большее впечатление в плане интеллекта и как личность, хотя ему и недоставало характера» [40, р. 42].

В этих относительно благожелательных характеристиках вождей русской революции явно чувствуется оттенок интеллектуального снобизма, характер которого был в свое время хорошо разъяснен Исайей Берлиным: в англо-саксонском ученом мире довольно рано привилась устойчивая привычка третировать русских революционеров «с характерной смесью снисхождения и морального отвращения. Причина состояла в том, что теории, которым они были столь горячо преданы, не были их собственными, они были заимствованы с Запада и поняты несовершенным образом» [20, р. XIII–XIV]. Но, несмотря на то, что либерально настроенные теоретики и политики всегда были склонны рассматривать большевиков как «врагов политической и индустриальной демократии» [42], далеко не все из них при жизни Ленина смогли бы подписаться под той характеристикой большевизма, которую ей давал П. Б. Аксельрод еще в 1910 г.: «Большевизм зачат в преступлении и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии. Не из полемического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую компанию прямо, как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии. Такого же (по существу) характера методы и средства, при помощи которых ленинцы достигли власти и удерживают ее в своих руках» [1, с. 565; см. подробнее: 22].

Еще менее склонны принять столь категорическое суждение Аксельрода и современные исследователи ленинизма на Западе. Даже самый поверхностный обзор современных научных работ о Ленине, опубликованных в начале XXI века, свидетельствует о неослабевающем интересе к нему со стороны ученых и политических теоретиков [32; 33; 23; 39; 24; 31; 36; 37; 30]. На рубеже XX–XXI вв. окончательно сложилась и продолжает интенсивно развиваться такое академическое направление как «историография коммунизма». В свете «лингвистического поворота», происходящего в западноевропейских гуманитарных науках с 1960-х гг., становится непререкаемым тезис, согласно которому ключом к пониманию ленинизма и его идейных истоков, является изучение политических текстов с целью выявления специфики языка Ленина и других теоретиков большевизма [43]. Новая коммунистическая терминология появляется на Западе и на Востоке — «кибернетический коммунизм», «герменевтический коммунизм» и даже японский «конкурентоспособный коммунизм» [19; 44; 28].

Западные аналитики и в наши дни постоянно пытаются ответить на вопрос — почему, несмотря на утопизм, «несовместимость с природой человека», «историческую обреченность» и т. д., социалистические режимы в Европе, Азии и Латинской Америке на протяжении многих десятилетий демонстрировали живую динамику, «эластичность» и способность приспосабливаться к разнообразным политическим «повесткам дня» [27; 46]. Правда, следует отметить, что еще в начале 1950-х гг. блестящее понимание исторических

причин подобной «эластичности» было продемонстрировано Баррингтоном Муром в его классической работе «Советская политика — Дилемма власти. Роль идей в социальном изменении». «*Тактическая гибкость в восприятии новых ситуаций*, — отмечал Мур, — уже давно рассматривалась как сильная сторона Ленина-политика. В конце своей жизни, просмотрев историю русской революции, написанную меньшевиком-журналистом, он заметил, что эти «мелкобуржуазные демократы» были рабами прошлого в своем исключительно педантском понимании Маркса. Им не удалось, продолжал он, увидеть ключевую особенность у Маркса, [закрывающуюся в том], что революционные моменты требуют величайшей гибкости. По этому поводу Ленин в своей последней статье в «Правде» напомнил своим сторонником максимуму Наполеона — *on s'engage et puis... on voit* (сначала ввязаться, а там... посмотрим — *В.Г.*). Случайные замечания такого рода у Ленина и его способность приспособлять свою позицию к властным требованиям момента, оказались причиной того, что многие стали рассматривать его как чистого карьериста, заинтересованного только во власти и пренебрегающего политическими принципами. Учитывая огромную важность стремления Ленина к власти, можно, тем не менее, прийти к заключению, что оно само по себе еще не исчерпывает саму проблему полностью. Жажда власти у Ленина была тесно связана с его убеждением, что он (иногда только он) имеет право отвечать на основополагающий вопрос — что является причиной человеческой нищеты и как с этим можно справиться. И хотя в течение своей политической карьеры он неоднократно изменял мнение по этим вопросам и много раз признавал прежние ошибки в тактике и интерпретации, все же не кажется, что данные единичные факты указывают на некие внутренние сомнения Ленина относительно того курса, который он проводил в тот или иной момент. Он чувствовал, что нашел в марксизме инструмент, с помощью которого можно мгновенно ориентироваться в социальных и экономических реалиях... Реагируя на ситуации по мере того, как они возникали, Ленин продолжал добавлять новые концепции, оставляя или видоизменяя старые... Можно подметить циклическую тенденцию в развитии большевистской теории и также в большевистской практике. Каждое новое добавление к марксистской теории и каждая модификация устанавливали некий исходный пункт, к которому Ленин и его последователи могли (и часто действительно так поступали) возвращаться в более поздний период и при совершенно других обстоятельствах» [35, р. 38–39].

Иными словами, по удачному метафорическому выражению Эдмунда Уилсона, «Ленин использовал свой интеллект, свое острое понимание марксистской теории для того, чтобы повернуть ключ в дверном замке истории» [29, р. 39]. Этим ключом была политическая власть. Как отмечал Г. В. Вернадский, взяв власть в октябре 1917 г., «Ленин как бы стиснул зубы в мертвой хватке и не обращал никакого внимания на возражения, возникавшие порой в его окружении. Он был готов идти и шел по трупам, не останавливаясь ни перед чем и не обращая никакого внимания на проблемы морали и совести. Он употреблял любое оружие, используя в битве не только матросов и красногвардейцев, но также злословие и хитрость, не только угрожая,

но на деле посылая в бой неимущие массы, воодушевляя их лозунгом: «Грабь грабителей!»» [6, с. 170].

Следует обратить внимание еще на один важный фактор, способствовавший победе ленинизма и дальнейшему укреплению его позиций. Речь идет о всемирном процессе *идеологизации политики*, начало которому было положено в эпохи Просвещения и Французской революции. В коммунистической России данная тенденция приняла гипертрофированные масштабы, способствуя формированию предельно жесткого авторитарного режима, который специалисты нередко называют *идеократией*. Характеризуя данный аспект правления большевиков, австрийский правовед и политический философ Ганс Кельзен в своем эссе «Политическая теория большевизма», в частности, отмечал: «Советский режим более, чем любая другая политическая система связан с политической идеологией, которую он использует в качестве интеллектуального орудия для самооправдания. Ни один другой режим не нуждается в столь настоятельном оправдании, чем тоталитарная диктатура большевизма. Его идеологией является социальная философия Маркса и Энгельса в том виде, в котором она была переосмыслена Лениным и Сталиным. Центральным пунктом этой философии является политическая теория, согласно которой государство как принудительный порядок необходимо только для поддержания капиталистической эксплуатации и в дальнейшем с установлением социализма оно исчезнет... Ввиду того, что это предсказание очевидно не оправдалось в Советской России, Ленин и Сталин были вынуждены видоизменять первоначальное учение, откладывая исчезновение государства до тех пор, пока социализм не будет осуществлен во всем мире. Согласно новой доктрине, исчезнуть может только мировое социалистическое государство и [оно] действительно исчезнет. В связи с тем, что этого события нельзя ожидать в ближайшем будущем, временный характер машины принуждения, сохраняемой в Советском Союзе, все более нуждается в акцентировке. Поскольку даже тоталитарное государство, представляемое лишь в качестве переходной ступени на пути к свободному обществу, может рассматриваться народом как вполне терпимое, особенно если его диктатура интерпретируется как демократия» [44, р. 1].

Этот основной парадокс большевизма, заключавшийся в фундаментальном противоречии между «анархизмом в теории и тоталитаризмом на практике» [26, р. 1–2], был в дальнейшем инкорпорирован Лениным в программу Коммунистического Интернационала — международной организации, ставшей одним из главных инструментов «глобальной революции» (Сильвио Понс) [38, р. 1–2, 12–13; ср.: 18]. В осуществлении данной программы Ленин и его наиболее дальновидные сторонники и в данном случае, как это ни парадоксально, проявляли максимум гибкости и тактической предусмотрительности. Уже в посткоммунистический период эта сторона большевистской политики была превосходно охарактеризована В. В. Кожинным в книге «Россия. Век XX-й»: «...Государство в России в течение веков имело *идеократический* характер, то есть власть основывалась не на системе законов, как на Западе, а на определенной системе идей. Ко времени Революции властвующая идея так или иначе выражалась в известной формуле “право-

славие, самодержавие, народность”, которая еще сохраняла свое значение для людей, отправлявшихся в 1914 году на фронт. Но Февральский переворот “отделил” Церковь от государства, уничтожил самодержавие и выдвинул в качестве образца западноевропейские (а не российские) формы общественного бытия, где властвует не идея, а закон. И... победа Октября над Временным правительством и над возглавляемой “людьми Февраля” Белой армией была неизбежна, в частности, потому, что большевики создавали именно идеократическую государственность, и это в конечном счете соответствовало тысячелетнему историческому пути России. Ясно, что большевики вначале и не помышляли о подобном “соответствии”, и что их “властвующая идея” не имела ничего общего с предшествующей. И для сторонников прежнего порядка была, разумеется, абсолютно неприемлема “замена” Православия верой в Коммунизм, самодержавия — диктатурой ЦК и ВЧК, народности, которая (как осознавали наиболее глубокие идеологи) включала в себя дух “всечеловечности”, — интернационализмом, то есть чем-то пребывающим между (интер) нациями. Однако “идеократизм” большевиков все же являл собой, так сказать, менее *утопическую* программу, чем проект героев Февраля, предполагавший переделку России — то есть и самого русского народа — по западноевропейскому образцу» [12, с. 271].

Нет никаких сомнений в том, что в данном процессе формирования идеократического комплекса власти, который В. В. Кожин рассматривает как спонтанный, личность В. И. Ленина, особенности его психологии и мировоззрения на начальном этапе играли решающую роль. Речь идет именно о стратегическом видении ситуации в целом, а не об отдельных деталях «плана коммунистического созидания», включая такие его аспекты как всеобъемлющий, отдававший архаикой, принудительный коллективизм общественной жизни или программа формирования «нового человека» будущего. Ленин, вероятно, не испытывал особого интереса к утопическим деталям планирования этого будущего, которые постоянно занимали воображение Льва Троцкого. Ему, по всей видимости, претили предельно примитивные, почти карикатурные лозунги «культурной программы» Троцкого типа: «пролетарские Шекспировы и Гете бегают сейчас где-то босиком в школу первой ступени...», «средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса» и т. п. [15, с. 158, 197; см. подробнее: 41, р. 11–114; ср.: 21, р. 141–144]. В выстраивании своей стратегии он проявлял предельный прагматизм, политику «двойных стандартов», мгновенно меняя программные принципы и лозунги на противоположные в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры. По всей вероятности, именно данные аспекты ленинской стратегии, которая в сталинский период трансформировалась в программу авторитарной модернизации России, создали ей в дальнейшем вполне благоприятный имидж в современных западных концепциях и общесоциологических моделях модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А. Н. О революции и социализме [сост., авторы вступ. ст. и комм. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
3. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.
4. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
5. Бушин В. С. Путин против Ленина. Кто «заложил бомбу» под Россию. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016.
6. Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. — М.: АГРАФ, 2000.
7. Волгогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. — В 2-х книгах. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», АО Издательство «Новости», 1998.
8. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М.: «Советская Россия» 1991.
9. Гусляров Е. Ленин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: «Олма-Пресс», 2003.
10. Ильин И. А. Яд большевизма. — Женева: Издательство «Борьба за культуру», 1931.
11. Иного не дано. Сборник статей. Под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М.: Прогресс; Минск: Беларусь, 1988.
12. Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования). — М.: «Алгоритм», 1999.
13. Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.
14. «Путин рассказал ученым о подрывной роли Ленина в российской истории» (21 января 2016 г.) // <https://news.mail.ru/politics/24598562/>
15. Троцкий Л. Д. Литература и революция. — М.: Издательство политической литературы, 1991.
16. Фишер Л. Жизнь Ленина. — London: Overseas Publications Interchange, Ltd. 1970.
17. Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций. — М.: Изд-во Эксмо, изд-во Алгоритм, 2004.
18. Althusser L. On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses. — London & New York: Verso, 2014.
19. Barbrook R., Cameron A. The Internet Revolution: From Dotcom Capitalism to Cybernetic Communism. — Institute of Network Cultures, 2015.
20. Berlin I. Russian Thinkers. — London: Penguin Books. 1978.
21. Berlin I. The Soviet Mind. Russian Culture under Communism. — Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2004.

22. Bolshevism, Stalinism and the Comintern. Perspectives on Stalinization, 1917–53. Ed. by Norman LaPorte, Kevin Morgan and Matthew Worley. — New York: Palgrave Macmillan, 2008.

23. Budgen S., Kouvelakis S., Žižek S. Lenin Reloaded. Toward a Politics of Truth. — Durham & London: Duke University Press, 2007.

24. Davidshofer W. J. Marxism and the Leninist Revolutionary Model. — New York: Palgrave Macmillan, 2014.

25. Eckart D. Bolshevism from Moses to Lenin. A Dialogue between Adolph Hitler and Me (1924)// http://www.jrbooksonline.com/pdf_books/bolshevism_from_moses_to_lenin.pdf

26. Kelsen H. The Political Theory of Bolshevism. A Critical Analysis. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949.

27. Kemp S. Was Communism Doomed? Human Nature, Psychology and the Communist Economy. New York: Palgrave Macmillan. 2016.

28. Kenrick D. M. The Success of Competitive-Communism in Japan. — Houndmills, Basingstoke & London, 1988.

29. Kimmage M. The Conservative Turn. Lionel Trilling, Whittaker Chambers, and the Lessons of Anti-Communism. — Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2009.

30. Krausz T. Reconstructing Lenin. An Intellectual Biography. New York: Monthly Review Press, 2015.

31. Le Blanc P. Unfinished Leninism. The Rise and Return of a Revolutionary Doctrine. — Chicago, Illinois: Haymarket Books, 2014.

32. Lewin M. Lenin's Last Struggle. — Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005.

33. Lih L. T. Lenin Rediscovered. What is to be Done? In Context. — Chicago, Illinois: Haymarket Books, 2005.

34. Löwy M. Georg Lukacs — From Romanticism to Bolshevism. — London: NLB, 1979.

35. Moore B. Soviet Politics — The Dilemma of Power. The Role of Ideas in Social Change. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1950.

36. Negri A. Factory of Strategy. Thirty-Three Lessons on Lenin. — New York: Columbia University Press, 2014.

37. Nimitz A. H. Lenin's Electoral Strategy from 1907 to the October Revolution of 1917. The Ballot, the Streets — or Both. — New York: Palgrave Macmillan, 2014.

38. Pons S. The Global Revolution: A History of International Communism. 1917–1991. — Oxford: Oxford University Press, 2014.

39. Rappaport E. Conspirator. Lenin in Exile. — New York: Basic Books, 2010.

40. Russell B. The Practice and Theory of Bolshevism. — London: George Allen & Unwin Ltd., 1921.

41. Shakespeare in the Worlds of Communism and Socialism. Ed. by Irena Makaryk and Joseph G. Price. — Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2006.

42. Spargo B. Bolshevism. The Enemy of Political and Industrial Democracy. — New York; London: Harper & Brothers Publishers, 1919.

43. *The Vernaculars of Communism. Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe.* Ed. by Petre Petrov and Lara Ryazanova-Clarke. — London and New York: Routledge, 2015.
44. Vattimo G., Zabala S. *Hermeneutic Communism. From Heidegger to Marx.* — New York: Columbia University Press, 2011.
45. Waddington L. *Hitler's Crusade. Bolshevism and the Myth of the International Jewish Conspiracy.* — London; New York: Tauris Academic Studies, 2007.
46. *Why Communism Did Not Collapse. Understanding Authoritarian Regime Resilience in Asia and Europe.* Ed. by Martin K. Dimitrov. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013.